УДК 821.161.1-92.09«185»

Е.А. Федорова

СОТРУДНИЧЕСТВО Я.П. ПОЛОНСКОГО С ЖУРНАЛАМИ «СОВРЕМЕННИК» И «РУССКОЕ СЛОВО» В 50-е ГОДЫ XIX ВЕКА [1]

Целью работы является определение роли журналов «Современник» и «Русское слово» в жизни и деятельности Я.П. Полонского в 50-е годы XIX века. В статье осуществлен анализ публикаций поэта и писателя в журнале «Современник», оценивается вклад Полонского как редактора и автора в развитие журнала «Русское слово». Обращается внимание на расхождение окончательного текста рассказов «Тифлисские сакли» и «Дом в деревне» с опубликованными ранее в журнале «Современник». Впервые проведен сопоставительный анализ текстов, опубликованных в издательстве «Русское слово» в 1859 году, с первоначальным журнальным вариантом. Сопоставление двух редакций дает возможность войти в творческую лабораторию писателя, проникнуть в атмосферу сложной литературной ситуации России предреформенного периода. Анализ публикаций Я.П. Полонского 1850-х годов в журналах «Современник» и «Русское слово» показывает внимание автора к социальным и социально-политическим проблемам времени, хотя они не являются приоритетными. Устанавливаются приоритетные для поэта ценности: любовь к национальным идеалам, которая не противоречит высокой оценке достижений европейской культуры. В сознании Полонского их объединяют общие истоки. Они – в раннем христианстве. Внимание писателя к человеку позволяет углубить психологизм и духовно-нравственную проблематику произведений. В качестве средств выразительности в поэзии и прозе используется парадокс, символические мотивы, которые усиливают философский план произведений. Происходит драматизация произведений с помощью создания острой ситуации и введения диалога. По итогам сотрудничества с журналами «Современник» и «Русское слово» Я.П. Полонский издал в 1859 году сборники стихов и прозы, которые стали важным этапом в становлении его как поэта и прозаика.

лирика, Я.П. Полонский, парадокс, символические мотивы, проза, «Русское слово», редактирование, «Современник».

С 1851 года начинается петербургский период жизни и творчества Я.П. Полонского. В это время, как отмечают исследователи, писатель переходит от романтической лирики и «натуралистических очерков» в духе «Физиологии Петербурга» к сюжетно-психологи-ческой лирике и лирико-психологической прозе [2]. Кроме того, петербургский период жизни и творчества Полонского ознаменовался его сотрудничеством с журналами «Современник» и «Русское слово», которое стало важным этапом формирования Полонского-прозаика и лирика. Публикация произведений Я.П. Полонского в журнале «Современник» начинается с 1851 года [3], особенно плодотворным для него оказывается 1855 год, после которого наблюдается спад в публикационной активности поэта и писателя.

Сначала столичная публика благодаря «Современнику» узнала Полонского как поэта. В 1851 году было опубликовано его стихотворение «Лес» (№ 11), в 1852 году – «Рыбак» (вольный перевод из Гёте) (№ 1), в 1853 году – «Весна» (№ 6), «Песня цыганки», «Примадонне» (№ 11), в 1854 году – «Колокольчик» (№ 7). По мнению исследователей, «фокусом» этих стихотворений служит не бытовая сцена, а психологическая ситуация, иногда достаточно острая, что способствует драматизации сюжета стихотворения («Рыбак», «Весна», «Колокольчик») [4]. Кроме того, А.И. Иваницкий отмечает философскую проблематику в вольном переложении Полонским баллады Гёте «Рыбак»: «русалка обольщает заглавного героя не своими женскими чарами, а упоительным единством неба и моря» [5].

Стихотворение «Колокольчик» включил в свой роман «Униженные и оскорбленные» (1861) Ф.М. Достоевский, заметивший в этом произведении внутренний конфликт лирической героини. С помощью данного стихотворения героиня Достоевского Наталья Ихменева

[1] Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ: проект 17-04-00501а «Литературное наследие Я.П. Полонского: исследование и комментарий» на 2017 год.

[2] Кохановска У. Проза Полонского 1840–1860-х гг. : автореф. дис. … канд. филол. наук. Л., 1981. С. 5.

[3] «Горячим словом убежденья» («Современник» Некрасова – Чернышевского): воспоминания, дневники, объявления журнала, письма, «Колокол» о «Современнике», правительственный лагерь о «Современнике». М. : Современник, 1989. С. 479.

[4] Лагунов А.И. Лирика Якова Полонского. Ставрополь : Ставропол. кн. изд-во, 1974. С. 79.

[5] Я.П. Полонский: творчество, судьба, эпоха (посвящается 195-летию со дня рождения поэта) : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф., 27–29 мая 2015 года / сост. и науч. ред. Т.В. Федосеева ; Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина. – Рязань, 2015. С. 176.

© Федорова Е.А., 2017

объясняется со своим бывшим возлюбленным, раскрывая свои противоречивые чувства. А.И. Лагунов утверждает, что в психологической лирике Полонского 1850-х годов «душевная жизнь героя освещается как бы с разных сторон, с разных позиций. Образ лирического переживания превращается в достаточно динамичный процесс» [6]. Динамика чувства в стихотворении «Колокольчик» показана через изображение предметных реалий. В сюжетно-психологической лирике Я.П. Полонского, по замечанию Е.В. Ермиловой, метафоры тяготеют к символу: «…каждое явление – и заря, и самовар, и печь – становится почти символически сгущенными образами тепла и света» [7]. За бытовым планом в стихотворениях поэта выявляется иной, философский план: «…любую жизненную ситуацию, самую бытовую, на грани “тривиальности”, он [Полонский. – *Е. Ф.*] умеет высветить, продлить в какую-то бесконечную даль, где в самой ее незавершенности, недосказанности откроется глубокий, таинственный смысл» [8].

Также в 1854 году в «Современнике» (№ 11–12) было опубликовано стихотворение Я.П. Полонского «Рыцарская ошибка», в котором поэт обращается к временам крестовых походов: рыцари-крестоносцы видят с корабля Константинополь и принимают его за святой град Иерусалим. Это баллада, написанная на исторический сюжет, в которой проявляются признаки драмы: движение сюжета происходит в процессе диалога, а мотив заблуждения крестоносцев показан символически – через ситуацию [9]. Во время Крымской войны и оппозиции России и Турции, которая находилась в союзе с Францией и Англией, автор таким образом утверждает не только идею измены европейских государств христианским идеалам, но также идею преемственности Рима и Византии. В стихотворении «На Черном море» (№ 10), продолжая традиции М.Ю. Лермонтова, Полонский в исповеди лирического героя, участника сражения, умирающего от ран, показывает мужество русских солдат и одновременно жестокость и бессмысленность войны.

В 1855 году появляются стихотворения, где поэт, обращаясь к прошлому, создает яркие образы сильных женщин: «Аспазия» (№ 2), «Агарь» (№ 12), а также размышляет о трагической участи и назначении поэта, о смысле человеческой жизни («Пчела» (№ 3), «Моя судьба, старуха, нянька злая» (№ 4), «Бэда Проповедник» (№ 5)).

Стихотворения «Агарь» и «Бэда Проповедник» можно отнести к духовной лирике. В.В. Лепахин обратил внимание на то, что в основе стихотворения «Бэда Проповедник» лежит метафора духовной слепоты и духовного зрения: «Бэда Достопочтенный слеп, но его духовные очи открыты, он созерцает славу Божию, видит свет Преображения» [10]. Бэда Досточтимый – святой, канонизированный католической церковью, был не только проповедником, но и автором первой истории Англии, агиографических сочинений, переводчиком Евангелия от Иоанна. Я.П. Полонский всегда был удивительно внимателен к духовной литературе. М.Р. Ненарокова находит в трактате Бэды Досточтимого «О фигурах» и в его агиографическом наследии систему метафор, которые позволяют раскрыть духовный смысл явления: «метафора-символ связана с областью абстрактного. <…> Она представляет собой замкнутое единство, она статична, ее существование не зависит от контекста, в котором она употребляется». А метафора-образ «более подвижна, является частью контекста и вне него обычно разрушается» [11]. В агиографических сочинениях Бэды Досточтимого используются метафоры-символы, связанные с темой «внутреннего человека», к ним относятся «внешние очи» и «внутренние очи»: «как внешние очи издали видят терния, и стремнины, и пропасти, так и “чистое сердце” видит то, что относится к области духовного» [12]. Кроме того, в описании внешности египетских отцов используется топос «сияющего лица» [13]. Эту систему метафор-символов, которую сам Бэда Досточтимый возводит к Писаниям Ветхого и Нового завета, использует в своем стихотворении и Я.П. Полонский.

В стихотворении «Агарь» звучит тема Промысла Божьего: Агарь бежит от своей госпожи Сары, но ее останавливает ангел, который просит примириться с госпожой во имя великого будущего своего потомства: «И родишь ты сына, силу многих сил…/ Наречеши имя ему Измаил: / И рука Господня будет вечно с ним… / Населятся страны семенем твоим». Образ Ангела Господня

---

[6] Лагунов А.И. Лирика Якова Полонского. С. 87.

[7] Ермилова Е.В. «Самый трудный из наших поэтов» // Литературная учеба. 1979. № 6. С. 177.

[8] Там же. С. 176.

[9] Федянова Г.В. Жанровое своеобразие лирики Я.П. Полонского (1850-е гг.) // Вестник Томского университета. 2008. № 316. С. 25.

[10] Я.П. Полонский: творчество, судьба, эпоха … С. 24.

[11] Ненарокова М.Р. Досточтимый Бэда – ритор, агиограф, проповедник. М. : Изд. ИМЛИ РАН, 2003. С. 48.

[12] Там же. С. 41.

[13] Там же. С. 71.

создается с помощью символики света и цвета: «Белая одежда, белое крыло, / Кроткое сиянье – строгое чело». Таким образом, в духовной лирике Полонского звучит тема Промысла Божьего.

В 1856 году в «Современнике» публикуются стихотворения Я.П. Полонского «Царство науки не знает предела» (№ 1), «Сон» (№ 4), «Подойди ко мне, старушка» (№ 6), в 1857 году – «Соловьиная любовь» (№ 1–2), «На кладбище» (№ 3), «Ночь в Крыму» (№ 4), в 1858 году – «Холодеющая ночь» (№ 9), в 1859 году – «Сумасшедший» (№ 5), «Во сне», «Женщине» (№ 7–8), «Моей молоденькой соседке», «По горам две хмурых тучи» (№ 9). Часто лирическим героем этих произведений становится странник. В основном это психологическая и философская лирика, в ней преобладает тема любви – чувство, которое, по утверждению П.А. Орлова, «лишено яркости выражения, боится громких слов и пылких признаний, но ему можно довериться раз и навсегда. Оно впитало в себя нежность любви и спокойствие дружбы» [14]. В это время поэт встречает девушку, к которой испытывает самое сильное чувство: в 1858 году он женится на 18-летней красавице Елене Васильевне Устюжской [15].

В тот же период Я.П. Полонский путешествует по Европе (Баден-Баден, Женева, Италия, Париж), и гармоническая натура поэта протестует против вражды и войны. Только любовь, по его мнению, скрепляет человеческие отношения и обновляет мир [16]. В стихотворении «Сумасшедший», по мнению П.А. Орлова, «безумие героя символично», поскольку «выделяет его из круга тех “обычных”, “нормальных” людей, для которых вражда, распри, войны тоже своего рода обычное, нормальное явление» [17]. Лирический герой этого стихотворения – мечтатель-идеалист, близкий автору, для которого «царствие небесное» на земле – это мир, свобода, расцвет науки и искусства.

Подводя итог своему творчеству 1850-х годов, в 1859 году Я.П. Полонский выпустил сборник «Стихотворения», куда включил эти произведения. Лирика поэта в этот период становится не только сюжетно-психологической, но и философско-символической. Много внимания Полонский уделяет женским образам, стремясь к углублению их психологической характеристики и используя для этого острую драматическую ситуацию, а также показывая движение сюжета в процессе диалога («Аспазия», «Агарь») и динамику чувств через описание предметных реалий («Колокольчик»). Большую роль в этой поэзии играют метафоры-символы света (костер, заря, звезда, месяц, лампада), природа воспринимается как одушевленное существо, с которым поэт ведет беседу, как со своей возлюбленной («Холодеющая ночь»). В своей участи в это время поэт видит не то волю Божью («Пчела»), не то рок («Моя судьба, старуха, нянька злая»). К мировоззренческим основам творчества поэта в 1850-е годы можно отнести христианство и греческую философию.

В 1852–1853 годах Я.П. Полонский пробует свои силы как драматург и прозаик. Его первый драматический опыт – стихотворная драма «Дареджана Имеретинская» («Москвитянин», 1852, № 7) – в журнале «Современник» был оценен негативно. В 1852 году в разделе «Библиография» тома 33 (№ 6) была опубликована критическая заметка без подписи, в которой указывались два недостатка драмы Полонского: во-первых, «она написана не для всех, а для жителей Тифлиса», то есть носит местный характер (другим она непонятна), во-вторых, «написана лириком по преимуществу, в даровании которого нет элементов драматических» (с. 37–38). Вывод автор заметки делает следующий: «…лучше – скажем мы – быть хорошим лириком, нежели посредственным драматургом» (с. 38).

Начиная с 1853 года, Я.П. Полонский публикует в «Современнике» свои прозаические произведения. Именно в этом году появляется рассказ «Тифлисские сакли» (№ 7). В 1859 году в № 4, 9 публикуются рассказы Полонского «Груня», «Дом в деревне», которые Н.А. Добролюбов назвал «грациозными». Однако сам писатель признавался, что судьба этих произведений оказалась непростой: «Писать в последние годы царствования Николая I было невозможно, мои невинные повести: “Статуя Весны”, “Груня” и др. были цензурой запрещены» [18].

Статья Добролюбова вышла в 1859 году в журнале «Современник» (№ 7, с. 79–91). В ней критик отметил «необычайно чуткую восприимчивость поэта к жизни природы и внутреннее слияние явлений действительности с образами его фантазии и с порывами его сердца» (№ 6, с. 150).

---

[14] Орлов П.А. Я.П. Полонский. Критико-биографический очерк. Рязань : Ряз. кн. изд-во, 1961. С. 88.

[15] Там же. С. 31.

[16] Орлов П.А. Я.П. Полонский. Критико-биографический очерк. С. 83.

[17] Там же.

[18] Фридлянд В. Комментарии // Полонский Я.П. Лирика. Проза / сост., вступ. ст. и коммент. В. Фридлянд. М. : Правда, 1984. С. 601.

Мечтательность поэта увлекает его, по мнению критика, за пределы действительности: в снах и видениях ему открывается мир красоты и гармонии (ангел, царь-девица, жар-птица, ключи живой и мертвой воды) [19]. Положительно откликаясь на сборник стихотворений Полонского 1859 года, литературный критик замечает, что «поэт не прочь от надежд, от общественных интересов», но «проклинать он не умеет, и недовольство его выражается в тихой, задумчивой жалобе» [20]. Недовольство миром, в котором нет счастья, ведет Полонского, по мнению Добролюбова, в фантастический мир, где он находит «успокоенье и отраду» [21]. С природой поэт общается, как с «загадочным, но милым и очень близким существом, с которым он очень любит рассуждать о различных предметах, занимающих его воображение» [22]. Такой же тип мечтателя-ребенка Добролюбов находит в образе Илюши, героя рассказа «Статуя Весны» [23].

В объявлении «Об издании “Современника” в 1858 году» Я.П. Полонский был назван «лучшим поэтом», как и Фет, Майков, сообщалось, что он останется сотрудником журнала в будущем году [24]. Из статьи «Об издании “Современника” в 1860 году» мы узнаем, что в редакции имеются стихотворения Полонского для публикации [25], однако в 1860 году его стихотворения в «Современнике» не печатались [26]. Объясняется это тем, что пути «Современника» и Я.П. Полонского накануне реформ 1861 года начинают расходиться: поэт выступал за постепенное реформирование жизни, он не был сторонником революционно-демо-кратического преобразования действительности, он стремился отражать жизнь, а не «активно в нее вмешиваться» [27]. Для Полонского в творчестве на первом месте оказывается нравственная проблематика, а социальная («убеждения, знания, среда») – на втором месте [28].

1859–1860 годы оказались самыми напряженными и, вместе с тем, трагическими для Полонского. В июне 1859 года родился его первенец, сын Андрей, а сам поэт, упав с дрожек, повредил себе ногу и остался на всю жизнь калекой. Однако еще более страшным событием в 1860 году для Полонского становится болезнь сына, которая привела его к смерти, а затем и смерть его жены. В это же время начинаются цензурные гонения на поэта. Н.А. Добролюбов в письме И.И. Бордюгову от 5 сентября 1860 года с возмущением пишет о том, что в «Современнике» не позволили напечатать стихотворение Полонского о «сыне Наполеона» – «Одному из детей в Париже», ранее опубликованное в сборнике «Стихотворения» (СПб., 1855) [29].

В 1859 году Я.П. Полонский стал редактором журнала «Русское слово», но через полгода он отказался от этой деятельности. Почему это произошло?

О Я.П. Полонском как редакторе журнала «Русское слово» существуют противоречивые сведения. В учебниках «История русской журналистики XVIII–XIX вв.» в основном говорится о нем как о неопытном редакторе, плохом помощнике издателя [30] или о его амбициозности, которая привела к конфликту с критиком журнала А.А. Григорьевым [31]. А. Григорьев уже после выхода из редакции «Русского слова» и отъезда в Москву писал Н.Н. Страхову 17 сентября 1860 года: «Какая погань и ветошь (в хронологическом порядке) и Яков Полонский, из мелочного самолюбия соперничествовавший со мною, будучи сам по невежеству, и по лени не способен к делу…» [32].

Сохранились также письма Я.П. Полонского к А.А. Фету, где он вспоминает о своих непростых отношениях с А.А. Григорьевым в это время: «Григорьева я когда-то разыскал во Флоренции и привел его к Графу к Кушелеву-Безбородко, с тем, чтобы тот пригласил его в сотрудники “Русского слова”. При мне читал он свое “Море” и запродал его в наш тогдашний журнал, получив порядочный задаток, т.е. такую горсточку червонцев, что мог, распростившись с уроками, прикатить вслед за нами в Париж. В Париже он стал зело выпивать и говорил мне, что во

---

[19] Добролюбов Н.А. Литературная критика : в 2 т. / сост., примеч. Н. Соколова. Л. : Худож. лит., 1984. Т. 2. С. 151.

[20] Там же. С. 154–155.

[21] Добролюбов Н.А. Литературная критика. С. 160.

[22] Там же. С. 152.

[23] Там же. С. 153.

[24] «Горячим словом убежденья» … С. 45.

[25] Там же. С. 57–58.

[26] Там же. С. 60.

[27] Лагунов А.И. Лирика Якова Полонского. С. 51.

[28] Там же. С. 50.

[29] «Горячим словом убежденья» … С. 348–349.

[30] История русской журналистики XVIII–XIX вв. : учеб. / под ред. А.В. Западова. М. : Высшая школа, 1973. С. 377.

[31] Там же. С. 382.

[32] «Горячим словом убежденья» … С. 381.

что бы то ни стало хочет допиться до адской девы. <…> Затем он прибыл в Петербург и, сделавшись присяжным критиком “Русского слова”, вытеснил меня из редакции за то, что я в одной из критических статей его сделал отметку такого места, которого ни я не мог понять, ни те, кому я читал это место…» [33]. Доводя итог описанию своих отношений с Григорьевым, Полонский пишет: «…совесть моя покойна, я никогда не сделал ему ни малейшего зла, и первый подал мысль Достоевским призвать Григорьева в журнал “Эпоха” и вручить ему критический отдел…» [34].

Из монографии Л.Э. Варустина, посвященной журналу «Русское слово» [35], также можно узнать историю сотрудничества Я.П. Полонского с этим изданием. Издатель журнала граф Григорий Александрович Кушелев-Безбородко в декабре 1857 года приехал в Рим, где стал уговаривать Полонского войти в редакцию его журнала. В письме к Л.П. Шелгуновой поэт признавался, что после долгих колебаний принял это предложение из-за финансовых затруднений [36]. Полонский перед началом издания журнала постоянно упрекал Кушелева-Безбородко в незнании типографского и издательского дела. В 1858 году он обращался из Парижа к А.Н. Майкову и просил узнать о расходах по изданию «Отечественных записок», «Современника» и «Библиотеки для чтения»: «Я хочу показать это Кошелеву, чтоб он не думал по своей совершенной неопытности в этих делах, что это издание будет дешево…» [37].

В конце января 1858 года Я.П. Полонский в письме к Майкову сообщает о своем решении стать помощником издателя. В это же время он просит Шелгунову, чтобы она уговорила Михайлова войти в редакцию будущего журнала. В свою очередь, А.Н. Майков в письме от 2 марта 1858 года советовал Полонскому взять критиком в журнал А.А. Григорьева, поскольку «он лучший из современных критиков и единственно чистосердечно любящий искусство…» [38].

К осени 1858 года Кушелев, Полонский и Григорьев вернулись в Россию и приступили к созданию журнала. Согласно инструкции издателя Полонский возглавил первый отдел журнала, в который входили произведения художественной прозы и поэзии, а также статьи научного содержания. Вся критика и библиография, составляющая второй отдел, была передана Кушелевым А. Григорьеву [39]. Так, по воле издателя, журнал оказался лишен центра.

Проблема состояла в том, что в этот предреформенный период у Я.П. Полонского и А. Григорьева были разные взгляды на будущее России. А. Григорьев в статьях «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина», «Тургенев и его деятельность. По поводу романа “Дворянское гнездо”» утверждал, что с петровских реформ начался процесс распада органического русского начала в литературе, поскольку появились ложные, занесенные с Запада идеалы. Я.П. Полонский в статье «О значении нового поколения» с подзаголовком «Письмо к А.А. Г…» высоко отзывался о петровских преобразованиях, сблизивших Россию с европейской культурой, и предполагавшиеся реформы Александра II оценивал положительно [40].

Первое время Полонский и Григорьев, стремясь сохранить хотя бы внешнее единство «Русского слова», искали компромиссы. Но письма из провинции показывают, что читателя журнал во многом не удовлетворяет. Я.П. Полонский сообщает об этом Г.А. Кушелеву-Безбородко и считает, что спасти журнал возможно в том случае, если издатель даст ему неограниченные права редактора для того, чтобы выдерживать единое направление журнала. Григорьев, в свою очередь, утверждает: если Полонский не будет мешать проводить ему славянофильские теории, то «Русское слово» сможет стать одним из влиятельных печатных органов. Кроме того, играя на самолюбии издателя, Григорьев предостерегает Кушелева, что Полонский хочет захватить всю власть в журнале [41].

После выхода первых шести книжек журнала Г.А. Кушелев-Безбородко предлагает Я.П. Полонскому дополнить редакцию третьим лицом – заведующим отделом. Поэт отвергает данное предложение, поскольку это может привести к еще большему расколу в редакции журнала, и требует назначения одного редактора «с независимыми правами» [42]. Г.А. Кушелев-Безбородко пишет Я.П. Полонскому 4 июля 1859 года: «Оставляя себя и главным и единственным редактором… надеюсь, что “Русское слово” нисколько не упадет от моего исключительного

---

[33] Неизданные письма разных лиц, имеющих отношение к А.А. Григорьеву // А.А. Григорьев : материалы для биографии / под ред. В. Княжнина. Пг. : Изд. Пушкин. Дома при Акад. наук, 1917. С. 339–340.

[34] Там же. С. 339–340.

[35] Варустин Л.Э. Журнал «Русское слово» 1859–1866 гг. Л. : Изд-во ЛГУ, 1966. 251 с.

[36] Там же. С. 8–9.

[37] Там же. С. 8.

[38] Там же. С. 10.

[39] Там же. С. 14.

[40] Там же. С. 14–17.

[41] Там же. С. 27.

[42] Варустин Л.Э. Журнал «Русское слово» 1859–1866 гг. С. 28.

редакторства, даже имею самонадеянность предполагать, что оно получит новое развитие и большую популярность…» [43]. Управляющим редакцией назначается А.И. Хмельницкий, который был рекомендован графу А. Григорьевым. 15 июля 1859 года Я.П. Полонский официально объявляет в «Санкт-Петербургских ведомостях» о своем выходе из редакции «Русского слова». В августе 1859 года Хмельницкий обвиняет Григорьева в проповеди «отсталых взглядов» за статью о «Московском обозрении», и Кушелев увольняет критика.

Я.П. Полонский назвал А.И. Хмельницкого «темной личностью» и «литературным Чичиковым». После его назначения редактором журнал стал еще сильнее терять свои позиции. В июле 1860 года на смену А.И. Хмельницкому приходит Г.Е. Благосветлов, который в конце того же года по просьбе Я.П. Полонского принимает в редакцию Д.И. Писарева, чья блистательная карьера литературного критика начинается в журнале «Русское слово» с декабря 1860 года.

Благодаря деятельности Я.П. Полонского как редактора в журнале «Русское слово» были опубликованы повесть Ф.М. Достоевского «Дядюшкин сон» (1859, № 3), письма Н.В. Гоголя к Прокоповичу по поводу издания первого тома «Мертвых душ», «Черновая тетрадь» А.С. Грибоедова (1859, № 4), стихотворения А.А. Фета, Ю. Жадовской (1859, № 4) и др. [44]

Кроме того, Я.П. Полонский в журнале «Русское слово» опубликовал свои стихотворения «Утрата», «Молитва», «Хандра» (1859, № 1), «На берегах Италии» (1859, № 2), «Караван» (1859, № 4), поэму «Кузнечик-музыкант» (1859, № 3). В основе этих произведений лежит автобиографический материал. Так, стихотворение «Утрата» посвящено Терезе, воспитаннице Базилевских, которые были соседями Смирновых (Полонский некоторое время был домашним учителем детей А.О. Смирновой-Россет и находился вместе с ее семьей в Италии). Тереза была влюблена в поэта, но его нерешительность привела к тому, что она была просватана и выдана замуж за другого [45]. Стихотворение «Караван» написано под впечатлением встречи поэта с легендарной личностью – бывшим атаманом кавказских разбойников Таш-Тамуром [46].

Стихотворение «Молитва» относится к духовной лирике, в которой раскрываются нравственные идеалы поэта. Обращаясь к Богу, поэт просит у Отца «братскую любовь на земле», у Сына – обновленное сердце, которое ожесточается и оскудевает, у Святого Духа – силу для «жаждущего разума». Поэту важно, чтобы человек был свободным и честным, а также активным, способным на «святую борьбу». По мнению свящ. М. Менстрова, уже в ранней лирике Я.П. Полонского сильным было религиозное чувство, идеал поэта – «служение людям и жизни, оправдание добра» является «наследием древнего христианства» [47].

Поэма «Кузнечик-музыкант» вызвала всеобщее восхищение, многие восприняли ее как автобиографическое произведение [48]. По мнению Л.П. Бельского, лирический герой этой поэмы такой же идеалист, как герой стихотворения «Сумасшедший»: «ничто не может уничтожить в нем его идеала, хотя он знает, что достижение его для него невозможно» [49].

В издательстве «Русское слово» в 1859 году вышел сборник рассказов Я.П. Полонского, который можно считать важным этапом в становлении его прозаического мастерства. Здесь писатель имел возможность опубликовать очерк «Квартира в татарском квартале», а также запрещенные ранее цензурой рассказы «Статуя Весны» и «Груня», «Тифлисские сакли» (в первоначальном варианте) и «Дом в деревне» (со значительными авторскими стилистическими правками). По мнению А.И. Лагунова, в поэзии и прозе Полонского этого периода наблюдаются встречные тенденции: лирика становится сюжетной, а проза – лирической. К формам и средствам выражения лиризма в рассказах исследователь относит лирические отступления (о судьбе Илюши в рассказе «Статуя Весны»), оценочные эпитеты, уменьшительно-ласкательные слова, сравнения, обращения, включенные в портрет героини (Груни, Лизы), которые оттеняют сочувственно-лирический голос автора, сообщают ему лирическую экспрессию [50].

Цензура не пропустила рассказы «Статуя Весны» и «Груня» по этическим причинам. Я.П. Полонский вспоминал: «После запрещения одного из самых невинных рассказов (“Статуя Весны”)

---

[43] «Горячим словом убежденья» … С. 27.

[44] Варустин Л.Э. Журнал «Русское слово» 1859–1866 гг. С. 11, 15, 19–22.

[45] Тхоржевский С.С. Портреты пером. Повести о В. Теплякове, А. Баласогло, Я. Полонском. М. : Книга, 1986. С. 271.

[46] Фридлянд В. Комментарии … С. 591.

[47] Менстров М., свящ. Слова жизни (религиозная поэзия Я.П. Полонского, 1821–1898 гг.) // Вопросы жизни в поэзии. СПб., 1913. С. 126.

[48] Опочинин Е.Н. Яков Петрович Полонский и его пятницы / публ. М. Одесской // Вопросы литературы. 1992. Вып. 3. С. 316.

[49] Бельский Л.П. Я.П. Полонский. Тула : Тип. Губ. правления, 1901. С. 11.

[50] Лагунов А.И. Лирика Якова Полонского. С. 18–19.

автор отправился за объяснением к цензору. “Последний, – вспоминает Полонский, – находил мой рассказ в высшей степени безнравственным… Он приписывал мне такие мерзости и гадости, каких я и во сне никогда не видывал… Рассказ был им запрещен. В этот день я чуть было не бросился в Мойку”» [51].

Рассказ «Статуя Весны» – это не только лирико-психологическое произведение, в котором угадывается автобиографический материал, но и символико-философское. Символический план рассказа связан с ключевым образом статуи Весны, контрастными образами света и тьмы (свеча – тьма за окном) и ситуацией «кризисного сна» (по определению М.М. Бахтина), который приводит к болезни маленького Илюшу и возвращению к семье, к сыну его отца, Вавилонова [52].

Рассказ «Квартира в татарском квартале» содержит элементы «натурального очерка» (описание быта, нравов жителей Тифлиса, дидактичность) и романтической поэтики в изображении духовного мира человека, в описании природы [53]. Главное достижение в нем, по мнению Уршулы Кохановской, это новый тип героя – юмористически «сниженный» неудачник Хвилькин [54]. Хвилькин – это «маленький человек», который приехал из Петербурга на Кавказ с мечтой изменить свою жизнь. Он влюбляется в молодую красавицу-армянку, начинает заочно за ней ухаживать и передавать подарки, адресуя их Майе – это имя он услышал во время разговора двух женщин на соседней кровле. Однако его красавицу зовут Елена, Майя – ее племянница. Когда ночное свидание состоялось и выяснилась ошибка, изменить ничего уже было невозможно: мечты Хвилькина были разбиты. Ситуация влюбленности петербургского жителя в кавказскую красавицу напоминает сюжет «Героя нашего времени» М.Ю. Лермонтова, но Я.П. Полонский в этом рассказе иронизирует над ложноромантическими штампами, которыми была насыщена к этому времени кавказская литература. Само заблуждение героя символично.

Рассказы «Груня» и «Дом в деревне» объединяют не только общие герои (рассказчик, Ваня Хохлов, Груня), но и образ дома, рельефно созданный автором, а также проблемы семьи и становления личности. С рассказом «Статуя Весны» корреспондирует и ситуация неблагополучия в семье, изображенная в рассказе «Дом в деревне», и появляющийся в них образ «белой женщины» (белой статуи), которая ассоциируется со смертью.

Дом – не просто место действия в рассказе Полонского, это герой, который описан как одушевленное существо: «Дом зашевелился, зазвенел ключами, заскрипел половицами…» [55]. Рассказ слуги Демьяна о прошлом дома и семьи Хрустина, его господина, завершается его сентенцией: «На моих глазах и поднялся, при мне и фундамент рыли, а теперь… скоро, почитай развалится дом-от; столбы, сударь… подгнили…» [56]. Разрушающийся усадебный дом становится символическим образом уходящей в прошлое дворянской культуры (Лиза говорит рассказчику о странных звуках разбитой посуды, о призраке «белой женщины»). С помощью истории Хрустина и его семьи Я.П. Полонский размышляет о судьбе представителей дворянской усадебной культуры.

Хрустин – человек, зависимый от своих страстей и от своего окружения. Сначала он как бы «нехотя», под давлением своих приятелей, проигрывает часть своего имения в карты и теряет свои средства из-за постоянных кутежей, затем оказывается в зависимости от тетки своей умершей жены Аграфены Степановны. Эта женщина не хочет выдавать дочерей Хрустина от первого брака замуж, чтобы ее внучатый племянник не остался без наследства. Старшая дочь, Софья, не получив благословения на венчание, умирает от тоски, а младшая, Лиза, борется за свою любовь и свободу и бежит со своим возлюбленным из родного дома, ставшим для нее тюрьмой. Тема свободы раскрывается автором и с помощью образа птиц: Хрустин любит слушать их пение в своем саду и следит за тем, чтобы жизни птиц никто не угрожал. Однако своим дочерям помочь он не может. В окончательном тексте рассказа автор подчеркивает его физическую силу, которая контрастна внутренней беспомощности: «…несмотря на эти страшные кулаки, которые, как кажется, могли бы сразу быка убить» [57].

---

[51] Орлов П.А. Я.П. Полонский. Критико-биографический очерк. С. 21.

[52] Гаричева (Федорова) Е.А. Символический план рассказа Я.П. Полонского «Статуя Весны» // Яков Петрович Полонский: личность и творчество в истории русской культуры : моногр. / Л.В. Чекурин, Т.В. Федосеева, В.А. Толстов [и др.] ; под ред. Л.В. Чекурина. Рязань : Первопечатникъ, 2014. С. 52–59.

[53] Кохановска У. Проза Полонского 1840–1860-х гг. С. 10.

[54] Там же.

[55] Полонский Я.П. Дом в деревне // Современник. 1855. № 9. С. 88.

[56] Там же. С. 98.

[57] Фридлянд В. Комментарии … С. 456.

Переговоры Лизы со своим женихом происходят на глазах и даже при участии рассказчика, но последний оказывается в заблуждении по поводу избранника своей кузины: истина открывается ему слишком поздно. И в этом рассказе мотив заблуждения героя становится символическим: Полонский иронизирует над его ложноромантическими штампами. Воспитанный на романтической литературе (он читает Марлинского, Лажечникова), рассказчик стремится быть «рыцарем» своей кузины Лизы и играет роль романтика. Он читает кузине письмо своего друга, переполненного романтическими штампами и символами (цветок резеда, например, которая у романтиков символизирует любовь) [58], предлагает быть посредником между Лизой и ее возлюбленным, которому Аграфена Степановна отказала от их дома. Автор, устанавливая дистанцию между собой и героем, усиливает в окончательном варианте рассказа иронический подтекст, показывая, как его рассказчик далек от понимания жизни и людей: «Никогда я не забуду этой улыбки; я понял после, как она была насмешлива» [59]. В журнальном варианте улыбка была «знаменательна» [60].

Редакторский опыт Я.П. Полонского сказался в его тщательной правке текста рассказа «Дом в деревне». Сопоставление текста рассказа, опубликованного в «Современнике», с окончательным текстом произведения, вошедшего в сборник, дает возможность увидеть, как Полонский оттачивает свой стиль, отказываясь от неудачных оборотов, диалектных слов, как он углубляет психологическую характеристику своих героев, усиливает иронический подтекст произведения [61]. Вероятно, из-за цензурных соображений в журнальном варианте рассказа Полонский не описывал крепостнических отношений Хрустина, Аграфены Степановны и их слуг. В окончательный текст писатель вводит повествование Демьяна о том, как без ведома Хрустина Аграфена Степановна хотела продать Демьяна заводчику Тютюникову за шестьсот рублей [62], а также сообщение дворовых о том, что из-за кокетства рассказчика с Анюткой хозяйка оставила ей синяки на руках [63]. Однако в рассказе нет обличительного пафоса. Полонский усиливает комизм ситуации с помощью добавления детали: «Помолитесь и за нас, грешных, – пропищала девушка с чердака, доедая морковку» [64]. Возможно, художественные особенности рассказа Я.П. Полонского (комизм ситуаций и символика образа дома, звуковые символы) оказали влияние на прозу и драматургию А.П. Чехова, с которым общался Полонский в поздние годы своей жизни («Дом с мезонином», «Вишневый сад»).

Кроме того, при обращении к журнальной версии видна авторская установка на цикличность рассказов «Груня» и «Дом в деревне». Так, при публикации последнего произведения дается редакторская ссылка: «Рассказ этот, имея сам по себе совершенную законченность, служит в то же время продолжением рассказа “Груня”, уже известного нашим читателям» [65]. В журнальном варианте была концовка, от которой потом Полонский отказался: «О том, как на деньги, заработанные Хохловым, сыграна была свадьба Груни, сестры его, и кто такой был жилец, ее жених, расскажу когда-нибудь в другое время» [66].

Особенно значительно был переработан Я.П. Полонским рассказ «Тифлисские сакли», который, как и «Квартира в татарском квартале», входит в его кавказскую прозу. В нем на фоне кавказских пейзажей и бытовых сцен грузинской столицы разворачивается история любви грузина Давида Егорыча к молодой соседке Магдане и показано «падение» героини, которая становится продажной женщиной. Автор создает сложный и противоречивый женский образ, который вызывает неоднозначное отношение.

В основе рассказа «Тифлисские сакли» лежит автобиографический материал: прототипом Магданы была возлюбленная поэта армянка Софья Гулгаз, которую Полонский считал «самой красивой женщиной в Тифлисе» и которая, по признанию поэта, «нравственно» измучила его [67], поскольку изменила ему с другим [68]. Поэт признавался, что не мог закончить рассказ так, как

---

[58] Федорова Е.А. Культурный код романтиков в дискурсе героев рассказов Ф.М. Достоевского «Маленький герой» и Я.П. Полонского «Дом в деревне» // Филологические чтения Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова : материалы Междунар. конф. / сост. Е.А. Федорова ; под ред. А.А. Талицкой, М.В. Шамановой. Ярославль : Изд-во ЯрГУ, 2017. С. 95–99. URL : https://elibrary.ru/item.asp?id=29733341 (дата обращения: 10.08.2017).

[59] Фридлянд В. Комментарии … С. 479.

[60] Полонский Я.П. Дом в деревне. С. 128.

[61] Там же. С. 82, 94, 101, 103, 110.

[62] Фридлянд В. Комментарии … С. 452.

[63] Там же. С. 462.

[64] Там же.

[65] Полонский Я.П. Дом в деревне. С. 69.

[66] Там же. С. 138.

[67] Фридлянд В. Комментарии … С. 602.

[68] Тхоржевский С.С. Портреты пером … С. 271.

хотел, из-за цензуры, которая «не допускала существования любовниц, содержанок и тому подобное» [69]. Поэтому первый журнальный вариант рассказа не завершался изображением «падения» Магданы и имел счастливый финал.

В итоге журнальный вариант рассказа устраняет социальный и духовно-нравст-венный конфликт произведения. В журнальном варианте Я.П. Полонского Магдана оказывается вдовой: «Прошло два года. Муж Магданы так и не воротился из Кахетии: он умер. Носились слухи, будто Арютюн, подкутив на чьей-то свадьбе, возвращался в тот аул, куда подрядился он доставлять бурдюки приезжающим за вином армянам, – заснул где-то посреди садов на дороге, и ему, сонному, мужчины отрубили руку – не знаю, верить ли этому: но, как бы то ни было, Магдана овдовела и поселилась в Сололаках; там теперь у ней своя сакля и все хозяйство» [70]. Затем писатель, используя кольцевую композицию, возвращается к первой части рассказа и завершает произведение счастливым финалом: «Давид Егорыч, не боясь никаких сплетен, засиживается у ней в палисаднике. Его любовь нашла случай вовремя спасти ее… Сусанна боится его как огня. Давид – жених Магданы, – Магдана выходит замуж по любви! – Вот до чего изменились нравы сололакских жителей» [71].

В исследовании прозы Я.П. Полонского Уршула Кохановска утверждает, что писатель в рассказе «Тифлисские сакли» стремится к «воссозданию социальных обстоятельств, мотивирующих характер и поведение людей», и поднимает прежде всего социальные проблемы: «Трагедия героини ставила вопрос, где вина и где беда простого, бедного человека» [72]. По мнению И.Л. Багратион-Мухранели, с создания образа Магданы, героини рассказа «Тифлисские сакли», начинается психологическая проза Я.П. Полонского [73]. С.М. Романенко, обращаясь к женским образам в кавказских повестях Полонского, замечает, что писатель «одновременно детерминирует человека и не может его объяснить, оставляя некоторые вопросы о его сущности открытыми» [74]. Речь идет прежде всего о Магдане, чья «психологическая реакция на мир может быть парадоксальна» [75].

В рассказе «Тифлисские сакли» Я.П. Полонский следует принципам «тайного психологизма». Противоречивость натуры молодой красавицы раскрывается во внешних чертах – ее мимике, голосе: «Немного резкое очертание правильных, почти античных губ придает лицу ее выражение чего-то смелого, даже дерзкого; но это выражение совершенно исчезает, когда она весела или просто улыбается» [76]; «Голос Магданы иногда тих, даже вкрадчиво нежен, иногда, напротив, так же груб, как у разгневанного мальчика» (с. 66). В Магдане соединяется детскость, чистота и гордость, дерзость. Ее своеволие отталкивает ее родных, которые, впрочем, мало ею интересуются и даже к ней жестоки. Детскость и природная грация героини вызывают восхищение у молодого грузина Давида Егорыча, который помогает Магдане в трудной ситуации.

Я.П. Полонский в своем рассказе стремился показать «падение» героини, одной из причин которого оказываются объективные обстоятельства (ее муж исчез, не оставив ей достаточных средств для жизни, родные ей не помогают), другая причина кроется в характере Магданы, в незрелости ее личности, для которой слишком большим испытанием оказываются деньги и жизненный комфорт.

Испытание героини начинается с того, что в ее руки попадает крупная для нее сумма денег – десять рублей. Полонский вводит нас во внутренний мир героини, когда она молится в церкви: «Уста Магданы шептали молитву, а слабая голова была занята полученными деньгами» (с. 75). Сначала в душе Магданы пробуждается сребролюбие, а затем – тщеславие. Всю ночь в канун Светлого Христова Воскресения героиня проводит за шитьем своей новой одежды, к родным она идет не для того, чтобы поздравить их с праздником, а для того, чтобы поразить своим новым убранством. После того, как героиня наряжается на деньги, оставленные мужем, автор замечает: «В первый раз Магдана поняла, что она красавица, и сама не знала, отчего у нее на душе стало так безгранично весело» (с. 79). Кроме того, Магдана, сравнивая жизнь в бедном квартале Тифлиса

---

[69] Фридлянд В. Комментарии … С. 602.

[70] Полонский Я.П. Тифлисские сакли // Современник. 1853. № 7. С. 52.

[71] Там же.

[72] Кохановска У. Проза Полонского 1840–1860-х гг. С. 10.

[73] Багратион-Мухранели И.Л. Трансформация женских образов в кавказской лирике Я. Полонского // Вестник славянских культур. 2015. № 1(35). С. 107.

[74] Романенко С.М. Кавказский миф в русском романтизме и его эволюция в творчестве Я.П. Полонского : автореф. … канд. филол. наук. Томск, 2006. С. 23.

[75] Там же.

[76] Полонский Я.П. Проза / сост., вступ. ст., примеч. Э.А. Полоцкой. М. : Советская Россия, 1988. С. 66. Далее цитаты даются по этому изданию, в скобках указаны страницы.

Авлабаре, где находится ее сакля, и в более обеспеченном районе Сололаки, где живут ее родные, отдает предпочтение последнему.

Помощь Давида Егорыча, молодого соседа, влюбленного в Магдану, который взял на себя заботу о ней, льстит ей и вызывает у нее чувство благодарности. Но временный перерыв в их общении сразу же пробуждает в ее душе неверие в него: «Мысль, что Давид Егорыч позабыл о ней, была невыносима» (с. 101). В этот момент в ее доме появляется старуха Сусанна, которая искушает героиню красивыми вещами и возможностью заработать деньги, став содержанкой богатого человека.

В журнальном варианте Я.П. Полонскому пришлось отказаться от описания выбора Магданы, который определил ее «падение». В результате сцена искушения героини была прервана неожиданным появлением Давида и бегством Сусанны: «В эту минуту совершенно неожиданно вошел в саклю Давид Егорыч. Испуганная торговка, схватив товар свой, поспешно выбежала на улицу – и хорошо сделала, потому что Давид все слышал и все понял…» [77]. Кольцевая композиция журнального варианта рассказа упростила сюжет и женский характер, созданный писателем.

В окончательном тексте произведения автор дает Магдане еще один шанс сделать свой выбор, когда она после того, как вернула деньги своим родственникам, которые получила от богатого человека, возвращается домой и встречается с Давидом Егорычем. Его чувства к Магдане легко угадываются, он готов сделать ей признание в любви, но молодая женщина, узнав о том, что двоюродный брат ее обманул, взяв деньги, которые достались ей так непросто, испытывает гнев, – это делает ее закрытой для понимания собеседника: «Тень гнева уже носилась над лицом ее. По глазам ясно можно было видеть, что в эту минуту не о любви помышляет голова ее» [78]. Так, с помощью изображения внутреннего конфликта Магданы Полонский переходит от социальной к духовно-нравственной проблематике.

Я.П. Полонскому важно было раскрыть парадоксальность поведения героини: она становится содержанкой богатого человека в то время, когда у нее появляется возможность выйти замуж за влюбленного в нее молодого соседа. Т.В. Федосеева и Г.И. Ершова отмечают, что «парадокс в литературно-художественном произведении обладает выделительной и конструирующей функциями. Первая реализуется через парадоксальное высказывание (парадокс как фигура речи), вторая – проявляется в художественном целом произведения как принцип структурирования текста» [79]. Е.А. Яшина отмечает, что «проблему воспроизведения многогранности и противоречивости человеческого характера, запечатленного в художественном образе, помогает раскрыть… характерологический парадокс» [80]. Исследователь также выделяет и сюжетный парадокс, который выражается в неожиданном повороте сюжета: «Сюжетный и характерологический виды парадокса нередко объединяет общая функция характеристики того или иного образа художественного текста» [81]. Для того, чтобы приблизиться к истине, Полонский при создании образа Магданы использует характерологический и сюжетный парадокс.

Магдана, возмущенная ложью родных, принимает решение покинуть Авлабар и поселиться в качестве содержанки в богатом квартале Тифлиса. Я.П. Полонский показывает и социальные, и психологические, и духовно-нравственные причины «падения» героини, но окончательного ответа на вопрос, чем объясняется выбор молодой женщины, не дает. Неслучайно в финале рассказа Давид Егорыч становится свидетелем того, как Магдана дает милостыню девочке-нищенке, которая поет под шарманку [82]. В характере героини парадоксально сочетаются стремление к материальным благам, комфорту и любовь к человеку, сострадание, а также детскость и гордость, тщеславие.

Образ «роковой красавицы» Я.П. Полонского предвосхищает появление таких «инфернальных» героинь Ф.М. Достоевского, как Настасья Филипповна («Идиот»), Грушенька («Братья Карамазовы»).

Сравнительный анализ журнальных вариантов и окончательного текста рассказов Я.П. Полонского, опубликованных в «Современнике», позволяют войти в творческую лабораторию писателя, а также включают нас в сложную литературную ситуацию России предреформенного

---

[77] Полонский Я.П. Тифлисские сакли. С. 52.

[78] Полонский Я.П. Проза. С. 114.

[79] Федосеева Т.В., Ершова Г.И. К вопросу о литературном парадоксе // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. 2013. № 1 (38). С. 91.

[80] Яшина Е.А. Типология парадоксов в художественном тексте // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 4. С. 182.

[81] Там же.

[82] Фридлянд В. Комментарии … С. 362.

периода. В произведениях Полонского 1850-х годов поднимаются социальные проблемы (социального неравенства, роли среды в формировании личности), социально-политические (война и мир, реформы, «восточный вопрос»), но они не являются приоритетными.

Внимание писателя прежде всего обращено к человеку, поэтому углубляется психологизм и духовно-нравственная проблематика произведений, используется прием парадокса, появляются общие для поэзии и прозы символические мотивы (мотив заблуждения, мотив странничества, мотив света, мотив сна), которые усиливают философский план произведений. Происходит драматизация последних с помощью создания острой ситуации и введения диалога, который движет сюжет. В лирических и эпических произведениях Я.П. Полонского благодаря расширению ассоциативного поля семантических единиц наряду с использованием композиционного приема антитезы (свет – тьма, тепло – холод) появляется символический план.

Опыт редактирования в журнале «Русское слово» помогает Полонскому определить свою мировоззренческую позицию, а также делает его еще более внимательным к тексту, к стилю. Любовь писателя к национальным идеалам не противоречила его любви к европейским ценностям, он находил общее – в раннем христианстве. По итогам публикаций стихотворений и прозы в журналах «Современник» и «Русское слово» в 1859 году Я.П. Полонский издал сборник стихотворений и сборник прозы, которые стали важным этапом в становлении его писательского мастерства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Багратион-Мухранели, И.Л. Трансформация женских образов в кавказской лирике Я. Полонского [Текст] // Вестник славянских культур. – 2015. – № 1(35). – С. 101–107.
2. Бельский, Л.П. Я.П. Полонский [Текст]. – Тула : Тип. Губ. правления, 1901. – 24 с.
3. Варустин, Л.Э. Журнал «Русское слово» 1859–1866 гг. [Текст]. – Л. : Изд-во ЛГУ, 1966. – 251 с.
4. Гаричева (Федорова), Е.А. Символический план рассказа Я.П. Полонского «Статуя Весны» [Текст] // Яков Петрович Полонский: личность и творчество в истории русской культуры: моногр. / Л.В. Чекурин, Т.В. Федосеева, В.А. Толстов [и др.] ; под ред. Л.В. Чекурина. – Рязань : Первопечатникъ, 2014. – С. 52–59.
5. «Горячим словом убежденья» («Современник» Некрасова – Чернышевского): воспоминания, дневники, объявления журнала, письма, «Колокол» о «Современнике», правительственный лагерь о «Современнике» [Текст]. – М. : Современник, 1989. – 543 с.
6. Добролюбов, Н.А. Литературная критика [Текст] : в 2 т. / сост., примеч. Н. Соколова. – Л. : Худож. лит., 1984. – Т. 2. – 520 с.
7. Ермилова, Е.В. «Самый трудный из наших поэтов» [Текст] // Литературная учеба. – 1979. – № 6. – С. 171–179.
8. История русской журналистики XVIII–XIX вв. [Текст] : учеб. / под ред. Л.П. Громовой. – СПб. : Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2003. – 672 с.
9. История русской журналистики XVIII–XIX вв. [Текст] : учеб. / под ред. А.В. Западова. – М. : Высшая школа, 1973. – 518 с.
10. Кохановска, У. Проза Полонского 1840–1860-х гг. [Текст] : автореф. дис. … канд. филол. наук. – Л., 1981. – 18 с.
11. Лагунов, А.И. Лирика Якова Полонского [Текст]. – Ставрополь : Ставропол. кн. изд-во, 1974. – 128 с.
12. Местров, М., свящ. Слова жизни (религиозная поэзия Я.П. Полонского, 1821–1898 гг.) [Текст] // Вопросы жизни в поэзии. – СПб., 1913. – С. 124–132.
13. Морозова, С.Н. «Три главы» из прозы Я.П. Полонского [Текст] // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2010. – № 15 (19). – С. 40–43.
14. Неизданные письма разных лиц, имеющих отношение к А.А. Григорьеву [Текст] // А.А. Григорьев : материалы для биографии / под ред. В. Княжнина. – Пг. : Изд. Пушкин. Дома при Акад. наук, 1917. – С. 338–342.
15. Ненарокова, М.Р. Досточтимый Бэда – ритор, агиограф, проповедник [Текст]. – М. : Изд. ИМЛИ РАН, 2003. – 272 с.
16. Опочинин, Е.Н. Яков Петрович Полонский и его пятницы [Текст] / публ. М. Одесской // Вопросы литературы. – 1992. – Вып. 3. – С. 312–331.
17. Орлов, П.А. Я.П. Полонский. Критико-биографический очерк [Текст]. – Рязань : Ряз. кн. изд-во, 1961. – 96 с.
18. Полонский, Я.П. Дом в деревне [Текст] // Современник. – 1855. – № 9. – С. 69–138.
19. Полонский, Я.П. Проза [Текст] / сост., вступ. ст., примеч. Э.А. Полоцкой. – М. : Советская Россия, 1988. – 496 с.
20. Полонский, Я.П. Тифлисские сакли [Текст] // Современник. – 1853. – № 7. – С. 5–52.

21. Романенко, С.М. Кавказский миф в русском романтизме и его эволюция в творчестве Я.П. Полонского [Текст] : автореф. … канд. филол. наук. – Томск, 2006. – 26 с.

22. Тхоржевский, С.С. Портреты пером. Повести о В. Теплякове, А. Баласогло, Я. Полонском [Текст]. – М. : Книга, 1986. – 351 с.

23. Федорова, Е.А. Культурный код романтиков в дискурсе героев рассказов Ф.М. Достоевского «Маленький герой» и Я.П. Полонского «Дом в деревне» [Электронный ресурс] // Филологические чтения Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова : материалы Междунар. конф. / сост. Е.А. Федорова ; под ред. А.А. Талицкой, М.В. Шамановой. – Ярославль : Изд-во ЯрГУ, 2017. – С. 95–99. – Режим доступа : https://elibrary.ru/item.asp?id=29733341 (дата обращения: 10.08.2017).

24. Федосеева, Т.В. К вопросу о литературном парадоксе [Текст] / Т.В. Федосеева, Г.И. Ершова // Вестник Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина. – 2013. – № 1 (38). – С. 83–92.

25. Федянова, Г.В. Жанровое своеобразие лирики Я.П. Полонского (1850-е гг.) [Текст] // Вестник Томского университета. – 2008. – № 316. – С. 25–27.

26. Фридлянд, В. Комментарии [Текст] // Полонский Я.П. Лирика. Проза / сост., вступ. ст. и коммент. В. Фридлянд. – М. : Правда, 1984. – 608 с.

27. Я.П. Полонский: творчество, судьба, эпоха (посвящается 195-летию со дня рождения поэта) [Текст] : сб. науч. ст. по материалам междунар. науч.-практ. конф., 27–29 мая 2015 года / сост. и науч. ред. Т.В. Федосеева ; Ряз. гос. ун-т имени С.А. Есенина. – Рязань, 2015. –356 с.

28. Яшина, Е.А. Типология парадоксов в художественном тексте [Текст] // Знание. Понимание. Умение. – 2007. – № 4. – С. 181–186.

REFERENCES

1. Bagration-Myhraneli, I.L. Transformaciya jenskih obrazov v kavkazskoi lirike Ya. Polon-skogo [Text] // Vestnik slavyanskih kyltyr. – 2015. – N 1(35). – S. 101–107.

2. Belskii, L.P. Ya.P. Polonskii [Text]. – Tyla : Tip. Gyb. pravlenie, 1901. – 24 s.

3. Varystin, L.E. Jyrnal “Rysskoe slovo” 1859–1866 gg. [Text]. – L. : Izd-vo LGY, 1966. – 251 s.

4. Garicheva (Fedorova), E.A. Simvolicheskii plan rasskaza Ya.P. Polonskogo “Statyya vesni” [Text] // Yakov Petrovich Polonskii: lichnost i tvorchestvo v istorii rysskoi kyltyri: monogr. / L.V. Chekyrin, T.V. Fedoseeva, V.A. Tolstov [i dr.] ; pod red. L.V. Chekyrina. – Ryazan : Pervopechatnik, 2014. – S. 52–59.

5. “Goryachim slovom ybejdenya” (“Sovremennik” Nekrasova – Chernishevskogo): vospominaniya, dnevniki, obyavleniya jyrnala, pisma, “Kolokol” o “Sovremennike”, pravitelstvennii lager o “Sovremennike” [Text]. – M. : Sovremennik, 1989. – 543 s.

6. Dobrolubov, N.A. Literatyrnaya kritika [Text] : v 2 t. / sost., primech. N. Sokolova. – L. : Hydoj. lit., 1984. – T. 2. – 520 s.

7. Ermilova, E.V. “Samii trydnii iz nashih poetov” [Text] // Literatyrnaya ycheba. – 1979. – N 6. – S. 171–179.

8. Istoriya rysskoi jyrnalistiki XVIII–XIX vv. [Text] : ycheb. / pod red. L.P. Gromovoi. – SPb. : Izd-vo Sankt-Peterbyrg. yn-ta, 2003. – 672 s.

9. Istoriya rysskoi jyrnalistiki XVIII–XIX vv. [Text] : ycheb. / pod red. A.V. Zapadova. – M. : Visshaya shkola, 1973. – 518 s.

10. Kohanovska, Y. Proza Polonskogo 1840–1860-h gg. [Text] : avtoref. dis. … kand. filol. nayk. – L., 1981. – 18 s.

11. Lagynov, A.I. Lirika Yakova Polonskogo [Text]. – Stavropol : Stavropol. kn. izd-vo, 1974. – 128 s.

12. Mestrov, M., svyash. Slova jizni (religioznaya poeziya Ya.P. Polonskogo, 1821–1898 gg.) [Text] // Voprosi jizni v poezii. – SPb., 1913. – S. 124–132.

13. Morozova, S.N. “Tri glavi” iz prozi Ya.P. Polonskogo [Text] // Izvestiya PGPY im. V.G. Belinskogo. – 2010. – N 15 (19). – S. 40–43.

14. Neizdannie pisma raznih lic, imeushih otnoshenie k A.A. Grigorevy [Text] // A.A. Grigorev : materiali dlya biografii / pod red. V. Knyajnina. – Pg. : Izd. Pyshkin. Doma pri Akad. nayk, 1917. – S. 338–342.

15. Nenarokova, M.R. Dostochtimii Beda – ritor, agiograf, propovednik [Text]. – M. : Izd. IMLI RAN, 2003. – 272 s.

16. Opochinin, E.N. Yakov Petrovich Polonskii i ego pyatnici [Text] / pybl. M. Odesskoi // Voprosi literatyri. – 1992. – Vip. 3. – S. 312–331.

17. Orlov, P.A. Ya.P. Polonskii. Kritiko-biograficheskii ocherk [Text]. – Ryazan : Ryaz. kn. izd-vo, 1961. – 96 s.

18. Polonskii, Ya.P. Dom v derevne [Text] // Sovremennik. – 1855. – N 9. – S. 69–138.

19. Polonskii, Ya.P. Proza [Text] / sost., vstyp. st., primech. E.A. Polockoi. – M. : Sovetskaya Rossiya, 1988. – 496 s.

20. Polonskii, Ya.P. Tiflisskie sakli [Text] // Sovremennik. – 1853. – N 7. – S. 5–52.

21. Romanenko, S.M. Kavkazskii mif v rysskom romantizme i ego evoluciya v tvorchestve Ya.P. Po-lonskogo [Text] : avtoref. … kand. filol. nayk. – Tomsk, 2006. – 26 s.

22. Thorjevskii, S.S. Portreti perom. Povesti o V. Teplyakove, A. Balasoglo, Ya. Polonskom [Text]. – M. : Kniga, 1986. – 351 s.

23. Fedorova, E.A. Kyltyrnii kod romantikov v diskyrse geroev rasskazov F.M. Dostoevskogo "Malenkii geroi" i Ya.P. Polonskogo "Dom v derevne" [Electronic resource] // Filologicheskie chteniya Yaroslavskogo gosydarstvennogo yniversiteta im. P.G. Demidova : materiali Mejdynar. konf. / sost. E.A. Fedorova ; pod red. A.A. Talickoi, M.V. Shamanovoi. – Yaroslavl : Izd-vo YarGY, 2017. – S. 95–99. – Mode of access : https://elibrary.ru/item.asp?id=29733341 (date of access: 10.08.2017).

24. Fedoseeva, T.V. K voprosy o literatyrnom paradokse [Text] / T.V. Fedoseeva, G.I. Ershova // Vestnik Ryazanskogo gosydarstvennogo yniversiteta imeni S.A. Esenina. – 2013. – N 1 (38). – S. 83–92.

25. Fedyanova, G.V. Janrovoe svoeobrazie liriki Ya.P. Polonskogo (1850-e gg.) [Text] // Vestnik Tomskogo yniversiteta. – 2008. – N 316. – S. 25–27.

26. Fridlyand, V. Kommentarii [Text] // Polonskii Ya.P. Lirika. Proza / sost., vstyp. st. i komment. V. Fridlyand. – M. : Pravda, 1984. – 608 s.

27. Ya.P. Polonskii: tvorchestvo, sydba, epoha (posvyashaetsya 195-letiu so dnya rojdeniya poeta) [Text] : sb. naych. st. po materialam mejdynar. naych.-prakt. konf., 27–29 maya 2015 goda / sost. i naych. red. T.V. Fedoseeva ; Ryaz. gos. yn-t imeni S.A. Esenina. – Ryazan, 2015. –356 s.

28. Yashina, E.A. Tipologiya paradoksov v hydojestvennom texte [Text] // Znanie. Ponimanie. Ymenie. – 2007. – N 4. – S. 181–186.

E.A. Fedorova

J.P. POLONSKY'S COLLABORATION WITH THE SOVREMENNIK (THE CONTEMPORARY) AND THE RUSSKOYE SLOVO (THE RUSSIAN WORD) JOURNALS IN THE 1850s

The article focuses on the role the Sovremennik and the Russkoye Slovo Journals played in J.P. Polonsky's literary work in the 1850s. The article analyzes J.P. Polonsky's works published in the Sovremennik journal and J.P. Polonsky's contribution to the development of the Russkoye Slovo journal. The author presents the results of a comparative analysis to highlight differences between the final version of the stories "The Saklyas of Tiffliss" and "A Country House" and the versions previously published in the Sovremennik journal. The comparative analysis of different versions allows the author to feel the literary atmosphere of the pre-reform Russia. The analysis of J.P. Polonsky's publications of the 1850s (the Sovremennik and the Russkoye Slovo journals) shows that the writer centers on social and social-political issues of the time. J.P. Polonsky admires national ideals, which doesn't contradict his appreciation of European achievements, for both are rooted in early Christianity. The writer's attitude to a human being endows his works with psychological and moral aspects. The main means of expressiveness in his prose and poetry are paradox and symbolism, which enhance philosophical aspect of his plays and dramatize his works through pressing situations and dialogues. In 1859, J.P. Polonsky published his poetic and prosaic collections which included works previously published in the Sovremennik and the Russkoye Slovo journals. These collections marked an important milestone in J.P. Polonsky's poetic and prosaic career.

lyrics, J.P. Polonsky, paradox, symbolic motifs prose, the Russkoye Slovo (the Russian Word) journal, editing, proof-reading, the Sovremennik (the Contemporary) journal.